

Вчера спектаклями «Я, бабушка, Илико и Илларион» и «Выпьем за Колумба» закончились гастрольные выступления в Куйбышевском академическом театре драматического театра имени М. Горького. Наш нештатный корреспондент А. СОХРИНА беседовала с исполнителем роли Иллариона народным артистом РСФСР ЕФИМОМ КОПЕЛЯНОМ.

— Ефим Захарович, сегодня Вы играли свой последний гастрольный спектакль на сцене нашего театра. Не могли бы Вы вспомнить день своего дебюта, первую роль?

— Давно это было, сорок лет тому назад. Учился я на архитектурном факультете Академии художеств, и в ту пору едва минуло мне девятнадцать. Свободный вечер выдался, и сокурсник предложил: «Слушай, пойдем в Большой драматический. Там многие студенты по вечерам в массовке участвуют». Так и появился я впервые на сцене в «Раздолье». Статистов много вышло, но мне все чудилось: на меня одного зрители глядят. Почувствовал себя стесненно.

Потом... Потом поступил в студию при БДТ. Учился у Тверского, тогдашнего руководителя театра. О нем, требовательном и знающем педагоге, шутили: «Тверской ставит пятерку богу, четверку — себе, тройку — самым одарен-

ЕФИМ КОПЕЛЯН: «ТЕАТР МОЕЙ СУДЬБЫ...»

ным ученикам». Так что тройку у него почитал за дар. Первую свою заметную роль — кинооператора — сыграл в пьесе о чехословках, а вот актером почувствовал себя гораздо позже, спустя много лет.

— Многие считают, что Копелян одну и ту же роль играет неодинаково.

— Ненавижу заштампованные интонации. Но что понимать под импровизацией? Способность перевернуть все с ног на голову или пережить каждый раз жизнь героя с новой силой и остротой? Импровизация не имеет права на самоцель, тогда она стано-

вится трюкачеством. За свою долгую работу в театре старался не сыграть одинаково двух спектаклей, однако, избегал и импровизации ра-

сов сидел на земле, а тяжело раненный негр умирал на коленях у своего белого друга, сквозь заскорузлость и грязь предрассудков тор-

Недавно раздается у меня в квартире телефонный звонок. «Здравствуйте, с вами говорит Савва Тимофеевич Морозов». Я: «Бросьте трубку, перестаньте меня разыгрывать». Он: «Я вправду Савва Тимофеевич Морозов, внук того Саввы Морозова». Пригласил моего телефонного собеседника в гости, познакомились. Оказалось, он — журналист, автор интересной книги о Севере. Много любопытного о деде, о семье своей рассказал.

— Расскажите о чеховском Дорне в «Чайке», Вашей новой киноработе.

— Съемки закончились, но фильма сам еще не видел, очень интересно, как все получилось. Дорна играл с наслаждением, эта роль с подтекстом, со вторым планом. На поверхности — благополучие, внутри — разлад. Чехов — особый драматург, у него часто герои говорят не то, о чем думают, заметили? Дорн: «Я прожил хорошую жизнь». А я ему не очень-то верю. Он часто повторяет: «Мне пятьдесят пять лет», и в этих словах чудится горьковатый привкус неудовлетворенности от бесцельной, впустую прожитой жизни. Старался передать горечь Дорна в паузах, в изумительных говорящих чеховских паузах... Такие роли — радость для актера.

— Часто говорят: актерское счастье... Какое оно?

— Как-то не задумывался над этим. Актерское счастье... Знаете, бывает и актер хороший, а не привыкшее к древу театра — и все тут. С Большим драматическим за сорок лет словно спрос, вместе пережили и невзгоды, и взлеты. Счастливы, что играю с Лавровым, Юрским, Стрельчиком, Лебедевым, что учусь у такого выдающегося режиссера, как Товстоногов. Это театр судьбы моей, и без него жизни не представляю.

На снимке: сцена из спектакля «Третья стража». В роли Андреевой артистка И. В. Лаврентьева, Морозова — народный артист РСФСР Е. Копелян.

Фото В. Габай.

ди импровизации.

Вот, к примеру, Вустер в «Генрих IV» Шекспира — роль не очень выигрышная. Каждый раз ломаю голову: как ее развить? У Вустера есть сцена с Генрихом Четвертым: Генрих предлагает ему мировую, а Вустер своим поведением раздражает в нем вспышку гнева. Перед спектаклем посвящая партнера в свой замысел, чтобы он знал, как реагировать. То заставляю Генриха прийти в ярость от откровенной наглости Вустера, то, наоборот, играю Вустера этаким овечкой, то он у меня вкрадчив, словно лис. Но какие бы метаморфозы ни претерпевал рисунок образа, цель всегда оставаю одну: Вустер должен вызвать у Генриха гнев.

— На Вашей актерской палитре краски так густо перемешаны, что в чистом виде голубую или черную выделить невозможно...

— Не лежит душа к однообразным героям. Один из самых дорогих мне образов — Джексон из спектакля «Не склонившие головы», мы там играли вдвоем с покойным Павлом Лусекаевым. Джексон, этот циник, порожденный расизмом, вдруг обнаруживает в своей душе, где, казалось бы, лишь пепел захороненных добрых чувств, справедливость и честь.

Мрачное и темное в Джексоне я сгущал до предела, режиссер даже опасался: «Не слишком ли?». Но зато тем ярче была потом победа порядочности. И когда Дже-

жествующе светилась человечность...

Люблю своего Иллариона, последнюю роль, сыгранную в Куйбышевском театре. У него доброе чистое сердце, он не представляет себе подлости. Мы очень волновались перед премьерой спектакля «Я, бабушка, Илико и Илларион» в Англии. И вы знаете, стены буквально сотрясались от аплодисментов! Принимали даже более горячо, чем дома. Понимаете, то, что нам привычно, что у нас — норма жизни, в капиталистической стране оказалось откровением, потрясением: там же люди изголодались по добру!

— «Я, бабушка, Илико и Илларион» нашел свое воплощение и в кинематографе. Когда, на Ваш взгляд, экранизация литературного произведения эквивалентна первоисточнику?

— Не каждого автора можно экранизировать. Достоевский кинематографичен, потому что он «драматургичен» по своей природе, он препарирует психологические движения души, и Свидригайлова в фильме «Преступление и наказание» я играл с удовольствием, хотя солидные купюры в тексте несколько нарушил, как мне кажется, цельность образа.

Чем меня не удовлетворяет кино — это невозможностью переделывать и корректировать. В театральном Савве Морозове из «Третьей стражи» каждый раз пахожу что-то новое, кинематографический Савва в «Николае Баумане» навсегда неизменен.

